

Место, куда приземлился Чжао Цзи, находилось в глубине Заднего сада. Совсем рядом громоздился декоративный альпинарий, а чуть поодаль, за изгибом тропинки, виднелась беседка Яоцзинь.

Понимая, что этот уединенный уголок мало подходит для долгих разговоров, Чжао Цзи напустил на себя грозный вид. Смерив ледяным взглядом молодого стража, который всего мгновение назад посмел приставить клинок к его священной императорской шее, он процедил:

— Ступай в покои наложницы Го. Стащи оттуда наше парадное платье.

Чжугэ Чжэнво лишился дара речи.

Лэнсюэ застыл на месте.

Уцин лишь молча отвел взгляд.

Ни один из этих троих, еще не растерявших остатки благородства и стыда, не мог взять в толк, как нынешний повелитель Поднебесной ухитрится произносить «иди и укради моё платье» с таким будничным, само собой разумеющимся видом.

Еще менее понятным оставалось то, как государь, облаченный в нелепый женский наряд и щеголяющий неопишущим, размазанным гримом, умудряется держать спину прямой как стрела и вещать с непоколебимым превосходством. Больше того: стоило кому-то задержать взгляд на его лице дольше положенного, император без зазрения совести зыркал в ответ, заставляя собеседника смежить веки.

Разумеется, по возвращении в столицу они успели наслушаться всякого. Шептались, будто Его Величество еще в бытность свою ваном Дуанем отличался нравом... весьма причудливым.

Но кто же мог вообразить, что эти причуды явят себя во всей красе именно так?

Получивший приказ Лэнсюэ не почувствовал ни капли обиды от столь бесцеремонного обращения. Напротив, в глубине души он возблагодарил небеса за эту возможность убраться подальше. Поспешно поклонившись, юноша попятился и бросился прочь со всех ног. Едва скрывшись за деревьями, он взмыл в воздух, задействовав легкую поступь цингун — лишь бы убраться из сада как можно скорее.

"Какая нелепость, — Лэнсюэ торопливо ускорял шаг. — Стоит мне задержаться здесь еще на время, необходимое для заваривания чая, и моя вера в незыблемость законов Поднебесной рухнет окончательно!"

Лишенному возможности ходить Уцину и его наставнику повезло куда меньше. Им пришлось безропотно сносить неловкое молчание, ожидая дальнейших распоряжений повелителя.

На самом деле Чжао Цзи не был столь бесстыден, как им казалось. Щеки его горели от смущения. Однако пудра наложницы Го легла столь плотным, надежным слоем, что скрыла предательский румянец. Никто из стоявших рядом не догадался бы, что император сейчас готов провалиться сквозь землю.

"Какой же позор, — Чжао Цзи стиснул зубы под слоем белил. — Перелезть через собственный забор в бабском платье и попасться в руки собственной стражи!"

Сделав над собой усилие и заставив себя позабыть о конфузе, он сухо кашлянул:

— Кхм... Ждать его здесь недосуг. Идемте в беседку Яоцзинь.

Оказавшись под резным навесом, император без лишних церемоний пустил в ход величие своей власти и устроил Чжугэ Сяохуа с Уцином настоящий допрос с пристрастием. Из их признаний ему удалось вычленить несколько крупниц бесценной информации.

Как выяснилось, Чжугэ Чжэнво прежде служил здесь, в Кайфэне, во времена покойного брата Чжао Цзи. Именно тогда всемогущий канцлер Чжан Дунь заправлял делами при дворе, сея смуту и верша расправы. Ослепленный былой враждой, Чжан Дунь вознамерился осквернить могилу своего покойного соперника Сыма Гуана. Чжугэ Чжэнво не стерпел подобного кощунства и преградил его людям дорогу, а Чжуймин, тогда еще даже не принятый в ученики к Божественному маркизу, и вовсе затеял драку и изрядно поколотил присланных канцлером слуг.

Чжан Дунь и без того питал глубокое презрение к военному сословию. Увидев столь дерзкое неповиновение, он решил, что Чжугэ Чжэнво, его воспитанники и этот бродяга Чжуймин — банда опасных смутьянов. Пустив в ход тайное влияние, канцлер добился разжалования Чжугэ и сослал его на самую границу с Ляо, в округ Чжэньдин — прозябать в глуши и глотать пыль на заставах.

Там они и провели долгие годы.

Ссылка затянулась до тех пор, пока на престол не взошел Чжао Цзи. Пытаясь спасти нажившего сонм врагов Чжан Дуня от неминуемой плахи, новый император сплавил его в Палату экзаменов, а дела узурпировал ставленник вдовствующей императрицы Хань Чжунянь. Поскольку Чжугэ Чжэнво издавна дружил с господином Су Ши, а тот пользовался у Хань Чжунянь некоторым весом, старый поэт замолвил словечко за опального друга. Хань Чжунянь внял уговорам и подготовил указ о переводе Чжугэ обратно в столицу, временно назначив его левым генералом императорской гвардии Юйлинь.

Чжао Цзи был поражен.

Великий наставник Чжугэ — легендарный главный инструктор восьмисоттысячной императорской гвардии, который в будущем посмеет стучать кулаком по столу перед

всесильным Цай Цзином, — ныне прозябал в таком убожестве!

Впрочем, то, что Чжугэ возглавил левое крыло гвардии Юйлинь, оказалось императору на руку. В сунской иерархии правая сторона традиционно считалась старшей, так что левый генерал уступал правому и в чине, и в почете, да и бумажной волокиты на него навешивали больше. Зато левое крыло обладало несравнимо большей свободой маневра. Пусть Чжугэ вернулся в столицу недавно, он наверняка успел изучить каждый закоулок Кайфэна.

Закончив расспросы, Чжао Цзи поведал Чжугэ Чжэнво обо всем, что стряслось за сегодняшний день.

— Ваше Величество? — удивился Божественный маркиз.

Следствие в столице испокон веков вела управа Кайфэна, а за безопасность государя отвечало правое крыло гвардии. Зачем же император раскрывает столь деликатные государственные тайны ему — человеку, едва вернувшемуся из ссылки?

Чжао Цзи предвидел это замешательство. К счастью, у него имелась безупречная ложь во спасение.

Приняв скорбный вид, он зажал двумя пальцами край подола своего шелкового платья, приподнял его и угрюмо покачал:

— Что это, по-твоему?

Чжугэ Чжэнво окончательно растерялся:

— Отвечая на вопрос Вашего Величества... женская юбка.

— Ты думаешь, это просто нелепое бабское платье?! — трагическим тоном провозгласил Чжао Цзи. — Нет, это часть нашего великого замысла!

И император во всех подробностях изложил им свой план касательно «потерянной народной принцессы».

Чжугэ Чжэнво и Уцин молча внимали государю. Попытавшись встать на его место, они отчасти поняли, почему Его Величество решил довериться именно им. С одной стороны, они принялись мысленно выстраивать план расследования дел горы Белого Верблюда и козней Западного Ся, а с другой — Чжугэ не мог избавиться от сомнений.

"Замысел государя, конечно, хорош, — Чжугэ Чжэнво задумчиво огладил бороду. — Но действовать столь окольным путем... Неужто нет способа проще?"

В этот момент из темноты вынырнул запыхавшийся Лэнсюэ. Прямо там, в продуваемой ледяными ветрами беседке, Чжао Цзи торопливо сбросил опостылевшую женскую одежду и облачился в принесенное императорское платье. Стоило ему избавиться от нелепого наряда, как его облик преобразился. Пусть лицо государя все еще покрывали белила и румяна, делая черты нечеткими, безупречная осанка и благородные очертания переносицы возвратили ему прежнее величие. Теперь на него можно было смотреть без содрогания.

— Ну так что, верный Чжугэ? — благосклонно прищурился Чжао Цзи. — Как тебе наш замысел?

— План Вашего Величества продуман до мелочей, однако... — старик запнулся, подбирая мягкие слова, —...быть может, он несколько...

Чжао Цзи перевел тяжелый, зловещий взгляд на Лэнсюэ, припоминая все еще ноющую правую ногу, а затем метнул еще один многозначительный взор на неподвижно сидящего в своем кресле Уцина. В его душе закипела черная жажда мелочной мести. Перебив Божественного маркиза на полуслове, он изрек:

— Раз уж и ты находишь наш замысел превосходным, мы немедленно приступим к его исполнению. Однако Мы рассудили, что негоже императору лично бегать туда-сюда, рискуя шеей и выбираясь из дворца под покровом ночи. Да и если нас снова кто-нибудь сбросит с забора — позора будет не обернуться.

Уцин уловил скрытую издевку. Положив тонкие ладони на колени, он склонил голову перед государем:

— Молим Ваше Величество о прощении.

Чжао Цзи с напускным великодушием кивнул:

— Императорское слово твердо. Мы обещали не карать тех, кто совершил проступок по неведению, и своего решения не переменим. Однако в одиночку нам с этим делом не управиться. — С этими словами Чжао Цзи вытянул руку и указал пальцем прямо на Лэнсюэ: — Раз так, почему бы Лэн Линци не примерить на себя роль нашей потерянной принцессы?

Лэнсюэ, до этого смиренно созерцавший носки своих сапог, испуганно вскинул голову. Его глаза округлились от ужаса:

— Ваше Величество?!

— Ты смеешь противиться воле государя? — грозно прищурился Чжао Цзи.

Лэнсюэ застыл, бледнея на глазах:

—... Верный слуга не смеет.

В ту же самую ночь, пока жизнь молодого императора бурлила невероятными событиями, Младший призер Ли тоже переживал настоящую бурю.

Вернувшись из дворца, он безнадежно упустил благодатный час для совершения обряда. Свадьба была сорвана. Устроительница торжества пребывала в полнейшем замешательстве.

За долгие годы сватовства ей доводилось видеть всякое. Случалось, что невесты сбегали прямо из-под венца; несколько лет назад одну девицу и вовсе перехватили посреди улицы — пока слуги недоумевали, новоиспеченная суженая выпрыгнула из паланкина прямо в объятия какого-то юноши, и они умчались прочь из Кайфэна, только их и видели.

Но чтобы жених в самый разгар церемонии бросил невесту, умчался спасать девицу в траурно-белых одеждах, а к вечеру вернулся как ни в чем не бывало и, заглядывая в глаза, умолял продолжить свадьбу — такого почтенная женщина припомнить не могла.

И кто бы решился возобновить обряд теперь, когда солнце давно миновало зенит, унеся с собой благословенное время?

Случись у молодых после такой несурязицы какое несчастье или, чего доброго, разлад в семье — они же первыми придут винить безвинную сваху! Да и где это видано: сыграть свадьбу наполовину, отлучиться по делам, а к вечеру доигрывать?

Гости и устроители наотрез отказались потворствовать этой глупости, оставив Ли Сюньхуаня в полнейшей растерянности.

Однако тяжелее всех пришлось Линь Шиинь.

Когда свадебный поезд уже двигался по улице, кузен прислал слугу с приказом ждать его, а сам исчез. Послушная и кроткая от природы, Шиинь окончательно потеряла голову от тревоги. В ее мыслях билось лишь отчаянное «жди меня». Когда служанка спросила, как поступить, девушка в порыве чувств велела процессии продолжать путь.

Со стороны это выглядело постыдно: жених сбежал, а невеста сама, точно нищая побирушка, притащилась к его порогу.

Обряд так и не завершился, но Шиинь уже переступила порог усадьбы Ли. Законная суженая своими руками превратила себя в наложницу, вошедшую в дом с черного входа.

Ли Сюньхуань не желал бесчестить кузину. Он наотрез отказался входить в ее покои до венчания и клятвенно пообещал устроить новое торжество, чего бы это ни стоило.

Его упорство довело старого господина Ли до белого каления. Потеряв терпение от безумных выходок младшего сына, отец схватился за суковатую палку и гонял парня по двору до тех пор, пока не сломал о его спину три удилица. Едва переводя дух, старик закричал:

— Шиинь уже вошла в наш дом! Если ты устроишь повторную свадьбу, кем она прослышет во всем Кайфэне?! Несчастной брошенкой, которую подобрали из жалости?!

Не слушая оправданий, разгневанный отец велел слугам связать упрянца по рукам и ногам и швырнуть в девичью комнату.

Линь Шиинь, со страхом внимавшая крикам за дверью, была растрогана до глубины души.

Стоило слугам бросить связанного Ли Сюньхуаня на пол и запереть дверь, как она бросилась к нему. В ее обычно холодных, печальных глазах вспыхнул огонек нежности. Торопливо распутывая узлы, она прошептала:

— Кузен...

Грудь Ли Сюньхуаня сдавило раскаянием. Глядя на Шиинь, облаченную в расшитый свадебный шелк, он почувствовал, как к чувству вины примешивается робкое смущение новоиспеченного мужа:

— Шиинь...

Их взгляды встретились, и весеннее тепло робко скользнуло в остывающую комнату.

Смутившись, Шиинь поспешно отвела глаза и, вспомнив о важном деле, достала из дорожного узелка небольшой сверток. Протянув его Сюньхуаню, она негромко проговорила:

— Кузен, перед самым твоим уходом в дом приходил странный гость. Он просил передать это тебе лично в руки. Но когда ты вернулся...

Сюньхуань помрачнел.

Когда-то, странствуя за Великой стеной, он получил тяжелую рану и выжил лишь благодаря заступничеству названного брата Лун Сяюня. По возвращении в столицу Лун Сяюнь признался ему, что без памяти влюблен в Шиинь. Оказавшись между долгом верности названому брату и собственной любовью, Ли Сюньхуань не нашел ничего лучше, как сбежать от позора в павильон Десяти Тысяч Цветов, малодушно оборвав все связи с кузиной.

Воспоминания отозвались в груди тупой болью. Ли Сюньхуань тяжело вздохнул, сам не понимая, о ком сокрушается больше — о погубленной чести или о потерянных годах.

Отгнав мрачные мысли, он принял сверток:

— Что это?

— Ван Ляньхуа просил передать его тебе, — ответила Шиинь. — Еще он велел сказать, что уповаешь на твою мудрость. Он просит тебя отыскать человека достойного и чистого сердцем, дабы вручить ему свое наследие.

Имя Ван Ляньхуа гремело на всю Поднебесную, и Младший призер Ли, разумеется, знал, о ком идет речь.

Вернувшись в столицу, он слышал краем уха, будто этот великий муж покинул Срединную равнину вместе с четой героя Шэнь Лана и отбыл за синее море. Кто бы мог подумать, что перед отплытием Ван Ляньхуа искал встречи именно с ним?

Затаив дыхание, Ли Сюньхуань развернул холстину.

Под невзрачной тканью скрывался тонкий, пожелтевший от времени трактат. На первой странице изящной тушью было выведено: «Сокровищница Ляньхуа».

Ли Сюньхуань перелистнул страницу, пробежал глазами первые строки, и сердце его пропустило удар.

В книге были начертаны не только сокровенные формулы внутренней силы Ван Ляньхуа. Здесь подробно излагались основы составления ядов, тонкости искусства маскировки, тайные обряды гу-магии народа Мяо и даже зловещие персидские техники пленения разума...

Книга была легкой, но в руках Ли Сюньхуаня она точно налилась свинцом, грозя придавить его к земле.

Перед глазами стремительной чередой пронеслись события сегодняшнего утра в Зале Гражданской Добродетели. И наконец, безумный вихрь мыслей застыл на лице госпожи Цуй-Дун — заплаканном, бледном, полном безграничного отчаяния.

"Испокон веков лихие люди цзянху силой попирают законы, — Ли Сюньхуань вглядывался в изящные строчки трактата. — Чтут ли они хоть во что-то уложения великой империи? Принесет ли эта книга благо, если оставить ее скитаться по рукам вольных воинов?"

Прежде Ван Ляньхуа прямо велел ему сохранить трактат и передать лишь тому, кто окажется

чист помыслами и наделен великим талантом. Будь то прежний Ли Сюньхуань, он послушно укрыв бы сокровище в тайнике, дожидаясь, пока судьба не сведет его с достойным преемником.

Но теперь, сжимая в пальцах зловещее знание, Младший призер Ли принял решение, которое прежде показалось бы ему немыслимым.

Он решил преподнести «Сокровищницу Ляньхуа» императорскому престолу.

Нынешний государь выказал величие духа и заботу о простом люде, коей не ведали сунские земли уже много лет. Он один умел обуздать спесь вольных мастеров, не проливая невинной крови. Вверить судьбу трактата Его Величеству было единственным верным решением.

<http://bllate.org/book/18987/1960705>